

СОДЕРЖАНИЕ

Луна и батарейки	5
Цыплята	16
22 звезды	29
Поход за грибами (<i>часть первая</i>).....	41
Поход за грибами (<i>часть вторая</i>).....	53
Новый год	67
Неслучайная встреча.....	79
Любование цветами (<i>часть первая</i>).....	92
Любование цветами (<i>часть вторая</i>).....	104
Суперигра	116
Июньская гроза.....	129
На острове (<i>часть первая</i>).....	141
На острове (<i>часть вторая</i>).....	153
Сон на берегу.....	168
Сверчок.....	181
В парке	193
Портфель.....	205
Комментарий (Кида Гэн).....	217

ЛУНА И БАТАРЕЙКИ

На самом деле учителя звали Мацумото Харуцуна, но я называю его просто учителем. Не по фамилии и даже не по имени, а именно учителем.

В старших классах он вел у меня японский. Он не был моим классным руководителем, да и я не была слишком увлечена родным языком, поэтому не могу сказать, что учитель мне особенно запомнился. К тому же мы не виделись достаточно долго — с самого выпускного.

С тех пор как я несколько лет назад случайно оказалась рядом с ним в дешевом баре у станции, я стала частенько сюда заходить. Учитель сидел за стойкой, немного приосанившись.

— Натто* с тунцом, обжаренный корень лотоса и маринованный лук, пожалуйста, — обратилась я к бармену, садясь за стойку, и почти в одно время со мной осанистый старик тоже сделал заказ.

* Традиционная японская еда, произведенная из сброженных соевых бобов.

— Маринованный лук, обжаренный корень лотоса и натто с тунцом.

Я посмотрела на него — надо же, наши вкусы сошлись! — и он тоже посмотрел на меня. Его лицо показалось мне знакомым. Пока я силилась вспомнить, учитель сам обратился ко мне:

— Омати Цукико?

Я удивленно кивнула, и он продолжил:

— Я несколько раз видел тебя здесь.

— Да? — ответила я невнятно, продолжая внимательно рассматривать учителя. Аккуратно причесанные седые волосы, идеально выглаженная рубашка, серая жилетка. На стойке — бутылочка с саке, блюдец с закуской из китового хвоста и маленькая миска с остатками водорослей. Что ж, кажется, и закуски мы предпочитаем похожие... И тут вдруг в памяти всплыл неясный образ учителя, ведущего урок в старшей школе.

Учитель всегда стоял у доски с губкой для стирания мела в руке. «Весенний рассвет. Горы в первых лучах...»* — писал он мелом и немедленно стирал написанное, не оставляя текст и на пять минут. Он не выпускал губку даже во время лекций, она словно срослась с его мускулистой левой рукой.

— Ты же девушка, а ходишь в такие заведения, — заметил учитель, тихонько обмакивая последний кусочек рыбной закуски в соус и поднося палочками ко рту.

— Что? — ответила я, наливая себе пива.

Я вспомнила, что этот человек был учителем в моей старшей школе, но имя вспомнить не удавалось. Я осу-

* Строки из «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон.

шила стакан, растерянная и одновременно пораженная тем, как он запомнил имя одной из многих учеников.

— Помнится, раньше ты носила косу.

— Ну да.

— Я увидел тебя у магазина и узнал.

— Понятно.

— Кажется, в этом году тебе уже тридцать восемь?

— Пока только тридцать семь.

— Прости-прости.

— Ничего страшного.

— Я проверил по списку класса и фотоальбому.

— Что?

— А ты совсем не изменилась.

— Вы тоже, учитель, — произнесла я, не подавая виду, что не помню, как его зовут. С тех пор я только так его и называю.

Тем вечером мы выпили пять бутылочек sake на двоих. Счет оплатил учитель. Во время нашей следующей встречи платила уже я. В третий раз мы попросили раздельный счет и каждый платил сам за себя. С тех пор мы всегда так делаем. Почему мы все еще продолжаем ходить в этот бар? Наверное, мы просто не можем иначе. Мы не только предпочитаем одинаковые закуски — уверена, отношения с людьми мы тоже строим одинаково. Он старше меня на три десятка лет, но мне он кажется намного ближе сверстников.

Я несколько раз была у учителя дома. Порой после бара мы заходили в другой, а уже потом расходились по домам. Изредка мы шли в третий бар и в четвертый — в такие дни мы обычно заканчивали пить уже у учителя.

Когда учитель впервые предложил пойти к нему домой, я немного напряглась.

— Тут недалеко, — сказал он.

Я слышала, что его жена скончалась и он жил один. Мне не очень нравилась идея идти домой к одинокому мужчине, но поскольку мы уже выпили и мне хотелось еще, я все-таки пошла.

В доме царил гораздо больший беспорядок, чем я могла ожидать. Мне казалось, что в комнатах не окажется ни пылинки, но в темном углу были свалены вещи. Переходящая в прихожую комната с ковром, где стоял старый диван, казалась нежилой, а вот в следующей комнате были разбросаны книги, бланки для сочинений и газеты.

Освободив чайный столик, учитель вытянул из горы вещей в углу двухлитровую бутылку и наполнил sake большие пиалы.

— Пожалуйста, — предложил он и, оставив меня, отправился на кухню.

Эта комната выходила окнами в сад. Одна из ставен была открыта. За стеклом смутно виднелись ветви деревьев, но без цветов я даже не могла понять, что это за деревья такие. Я в целом в растениях не разбираюсь.

Когда учитель вернулся, неся на подносе нарезанную кету и семена хурмы, я спросила:

— А что за деревья в саду?

— Там только вишни, — ответил он.

— Все деревья — вишневые?

— Абсолютно все. Жена любила сакуру.

— Наверное, весной тут очень красиво...

— Насекомых полно, осенью все засыпает листьями, зимой — сплошь голые ветки... Ничего хорошего, — без особой неприязни проговорил учитель.

— Луна взошла, — заметила я.

Высоко в небе повис полумесяц, подернутый облачной дымкой. Учитель подцепил семечку, чуть наклонил чашку и отпил саке.

— Моя жена была совершенно спонтанным человеком.

— Да?

— Делала что вздумается.

— Вот как.

— Эти семена хурмы из Ниигаты. Мне нравится их островатый вкус.

Острый, жгучий вкус семечек отлично подходил к саке. Какое-то время мы молча ели их.

В ветвях деревьев в саду кто-то летал. Наверное, это была птица. Я слышала тонкий птичий голос, какое-то время шелестели ветки дерева, но потом все стихло.

— Там птичье гнездо? — спросила я, но ответа не получила.

Оглянувшись, я увидела, что учитель внимательно читает газету. Не сегодняшнюю — похоже, он достал ее из кучи на полу. Учитель сосредоточенно читал статью в рубрике зарубежных новостей, где была фотография женщины в купальнике. Казалось, он забыл о моем существовании.

— Учитель, — снова обратилась к нему я, но он не отозвался — он был слишком сосредоточен на чтении.

— Учитель! — позвала я значительно громче. Он поднял голову.

— Хочешь взглянуть? — вдруг спросил он.

Не дав мне ответить, учитель положил развернутую газету на пол и, открыв раздвижную дверь, ушел в соседнюю комнату. Там он залез в старый комод, что-то вытащил и вернулся. В руках у него была маленькая глиняная посуда. В соседнюю комнату учитель возвращался еще несколько раз.

— Вот-вот, взгляни! — Учитель, прищурившись, бережно расставил на полу посуду. Там были сосуды с ручкой, крышкой и носиком. — Посмотри-ка.

— Хм?

Ну и что же это? Я присмотрелась: кажется, где-то я это уже видела. Сосуды были сделаны довольно грубо. И что это, чайники? Вроде маловаты...

— Это дорожные глиняные чайники, — пояснил учитель.

— Дорожные?

— Их покупали в путешествие вместе с бэнто*. Сейчас чай продается в пластиковых бутылках, а раньше он продавался вот в таких чайниках.

Мужчина расставил на полу более десятка чайников. Они были разных цветов: и яркие янтарные, и довольно тусклые. По форме чайники тоже были разными: с большим носиком, с крупной ручкой, с маленькой крышкой, пузатые...

— Вы их коллекционируете? — поинтересовалась я, но учитель покачал головой.

* Японский термин для однопорционной упакованной еды. Традиционно бэнто включает в себя рис, рыбу или мясо и один или несколько видов нарезанных сырых или маринованных овощей в одной коробке с крышкой.

— Я покупал их во время путешествий.

Этот чайничек куплен в год поступления в университет, когда учитель ездил в Синсю. Этот приобретен по пути в Нару, во время путешествия с коллегой на летних каникулах. Тогда учитель вышел из поезда на одной из станций, чтобы купить бэнто себе и коллеге, а когда хотел вернуться в вагон — поезд уже отправился. А этот куплен в Одаваре во время свадебного путешествия. Чтобы не разбить, его завернули в газету и положили вместе с одеждой, сумку с которой во время путешествия носила жена. Учитель показывал пальцем на каждый из стоящих на полу чайничков и рассказывал его историю, а я просто кивала.

— Я слышал, что некоторые их собирают.

— Поэтому и вам захотелось?..

— Вот еще! Я такой ерундой не занимаюсь. — Учитель прищурился: мол, просто решил показать, что накопилось за годы. — Мне вообще тяжело что-либо выбрасывать, — признался мужчина, а затем снова пошел в соседнюю комнату и вернулся с несколькими небольшими пакетами. — Вот, посмотри. — Он развязал один.

Из пакета он вытащил множество батареек. Каждая из них была подписана черным маркером: «бритва», «часы», «радио», «фонарик»... Учитель взял в руки большую батарейку и начал рассказывать:

— Вот эту батарейку я использовал в тот год, когда был тайфун в заливе Исэ*. В Токио тоже был довольно сильный тайфун, и я за одно лето истратил все батарейки для карманного фонарика. А вот батарейка от

* Тайфун «Вера», также известный как тайфун Исэван, обрушившийся на Японию в сентябре 1959 года.

моего первого кассетного магнитофона. Их нужно было сразу восемь, и они очень быстро садились. Я много раз подряд прослушивал симфонии Бетховена, так что посадил батарейки за несколько дней. Все восемь штук я сохранить не мог, но хоть одну оставить хотелось, так что я закрыл глаза и выбрал одну наугад.

Учителю было жалко выбрасывать батарейки, ведь они служили ему верой и правдой. Батарейки помогают зажечь свет, включить музыку, запустить мотор — а значит, нельзя просто бессердечно выбросить их, как только они сядут.

— А тебе разве не жалко, Цукико? — Учитель взглянул на меня.

Я не знала, что ему ответить, а потому в который уж раз за этот вечер кивнула и коснулась пальцем одной из нескольких десятков батареек. Она заржавела и отсырела. Надпись на боку гласила: «калькулятор Casio».

— Ночь скоро кончится, — заметил учитель, подняв голову.

Луна вышла из облаков и теперь ярко сияла.

— А чай в дорожных чайничках, наверное, вкусный, — пробормотала я.

— Может, чаю заварить? — предложил мужчина, протягивая руку, и, обшарив пол вокруг двухлитровой бутылки, вытащил чайницу.

Небрежно бросив листья в янтарного цвета чайничек, учитель открыл старый термос, что стоял рядом с чайным столиком, и залил заварку кипятком.

— Это мне один из учеников подарил. Сделан в Америке. Хороший термос, хоть и старый — смотри, вода все еще горячая, а ведь налил еще вчера.

Учитель налил чаю в те же чашки, в которых было sake, и бережно погладил термос. Похоже, в чашках еще оставалось немного sake — у чая был какой-то странный вкус. Алкоголь внезапно ударил в голову, и мне стало весело.

— Учитель, а можно мне посмотреть комнату? — спросила я и, не дожидаясь ответа, направилась в заваленный всякой всячиной угол.

Макулатура. Старая зажигалка. Покрытое ржавчиной ручное зеркало. Три больших черных кожаных портфеля, заношенных и помятых. Все три — одного фасона. Садовые ножницы. Шкатулка. Какая-то пластиковая коробка черного цвета с делениями и стрелкой.

— Что это? — спросила я, взяв в руки эту черную коробку.

— Что тут у нас? Ах, это! Это тестер.

— Тестер? — переспросила я, а учитель аккуратно забрал у меня прибор и начал шарить среди вещей на полу.

Найдя красный и черный провода с клеммами на концах, он подсоединил их к тестеру.

— Делаем вот так. — Мужчина прижал красный провод с клеммой к одному концу батарейки с надписью «бритва», а черный — к другому. — Посмотри сюда.

Так как обе руки учителя были заняты, мужчина указал на шкалу тестера подбородком. Стрелка мелко подрагивала. Стоило отдалить клеммы от батарейки — и стрелка замирала, а если приблизить снова — начинала колебаться.

— Мотор, конечно, не запустит, но небольшой заряд еще есть.

Учитель принялся проверять заряд батареек, поднося их к тестеру одну за другой. Почти все они были полностью разряжены, но изредка стрелка прибора все-таки двигалась, и тогда учитель тихонько восклицал: «О!»

— Еще не совсем сели, — заметила я, на что учитель едва заметно кивнул.

— Правда, скоро заряд кончится, — ответил он медленно.

— Так и пролежат в комоде до самого конца...

— Ну, получается, что так.

Какое-то время мы молча любовались луной, но потом учитель бодрым голосом предложил:

— Ну что, еще по чуть-чуть? — и налил sake в чашки. — Ой, тут, кажется, еще остался чай, — заметил он тут же.

— Получается sake с чаем.

— Ну нет, sake разбавлять нельзя.

— Ничего страшного, учитель.

С этими словами я разом осушила чашку. Учитель же пил мелкими глотками. Ярко светила луна.

Вдруг он прочел звучным голосом:

*Меж ивовых ветвей
Река белеет в ночи.
В туманных полях...*

— Что это? Что-то из буддизма? — поинтересовалась я. Учитель посмотрел на меня возмущенно:

— А ты, смотрю, совсем не слушала меня на уроках.

— Этого мы не проходили!

— Как же? Это же Ирако Сэйхаку*! — произнес он самым учительским тоном.

* Ирако Сэйхаку (1877 – 1946) — японский поэт.

ПОРТФЕЛЬ УЧИТЕЛЯ

— Никогда о таком не слышала. — Я взяла бутылку и налила в свою чашку еще sake.

— Где же это видано, чтобы женщина сама себе наливала sake! — рассердился учитель.

— Какой вы старомодный.

— Ну и что с того? — пробормотал он, наполняя свою чашку.

А потом он продолжил читать стихотворение:

*В туманных полях
Тихо флейта звучит,
Пленяя сердце странника.*

Читал он сосредоточенно, закрыв глаза и словно вслушиваясь в собственный голос. Я же рассеянно рассматривала батарейки, тихо лежавшие в тусклом свете. Луна снова скрылась в облачной дымке.